

Анна Темкина

БОРЬБА ПРОТИВ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА: ТРАНС/НАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Kuhar R., Paternotte D. (eds.) (2017) *Anti-Gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality*. London: Roman and Littlefield. 302 p. ISBN 978–1783489992

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-674-683

В то время, когда российская академия привыкает к легитимности гендерных исследований, а общественный дискурс выясняет отличия гендера от пола, в мире и вокруг нас возникает и усиливается новое явление, которое получает обобщенное название «антигендеризма». Оно становится предметом пристального академического внимания (Bracke, Paternotte 2016a; Graff 2014; Graff, Korolczuk 2018; Kováts, Pöim 2015; Kuhar 2015; Kuhar, Paternotte 2017; Paternotte 2018; Paternotte, Kuhar 2018). Вехой в анализе безусловно является книга под редакцией Романа Кухара (Словения) и Давида Патернотте (Бельгия) – «Антигендерные кампании в Европе: мобилизация против равенства».

Эта работа – впечатляющий транснациональный сравнительный анализ антигендерной мобилизации в двенадцати странах Европы в 2010-е гг. Авторы исследуют современный этап сопротивления гендерному равенству, репродуктивным и сексуальным правам, гендерному мейнстримингу, сексуальному образованию, гендерным исследованиям и самому термину «гендер». Данное сопротивление возникло в Ватикане в 1990-е гг. как реакция на декларации, принятые на конференциях по положению женщин в Каире и Пекине. В 2003 г. публикуется, а затем переводится на многие языки «Лексикон: Сомнительные и спорные термины о семейной жизни и этические вопросы» (Pontifical Council for the Family 2003), который закладывает теоретические основы антигендерной мобилизации. Однако в 2010-х гг. антигендеризм приобретает новые качества, которые и находятся в фокусе внимания в данной книге. Авторы не считают, что мобилизация 2010-х гг. является реакцией или религиозным контр-движением. Процесс более сложен, в него вовлекаются самые разнородные акторы с разными повестками: правые движения, пролайферы, противники однополых браков, религиозные и родительские организации и пр. В разных странах у антигендерной мобилизации соответствующие триггеры, активисты используют локальные

Анна Адриановна Темкина – PhD, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, со-директор программы «Гендерные исследования», Россия. Электронная почта: temkina@eu.spb.ru.

возможности, апеллируют к уникальности местных традиций, однако, как показывают авторы книги, движение является транснациональным, обладает схожей структурой и разделяет общую идеологию. При этом парадоксальным образом «гендерная идеология» предстает в движении как навязанная извне и чуждая конкретной культуре, будь то Россия или Франция.

Антигендерная мобилизация ознаменована массовой демонстрацией в Париже в 2012 г. (*Manifest pour Tous*), направленной против государственной политики легализации однополых браков. Данная мобилизация во многом оказалась неожиданной. Кухар и Патернотте во введении указывают, что исследователи в последние десятилетие считали, что идет поступательный процесс достижения гендерного равенства, а если и возникает сопротивление – то это лишь отдельные исключения в католических странах или Восточной Европе. Анализ сопротивления ограничивался отдельными государствами и национальными границами. Авторы оппонировали этому подходу и настаивают на том, что «гендерная идеология» («гендерная теория» или «антигендеризм») является транснациональным дискурсом и стратегией. Термин «гендерная идеология» использован «антигендеристами» для оппонирования женскому и ЛГБТ активизму, антиэссенциализму и политике равенства. Его сторонники, отсылая к работам Батлер, Мани, Кинзи, де Бовуар, Файерстоун, Рейху, Маркузе, Фрейдю и Энгельсу, создают новую рамку интерпретации. Они относят гендер к «идеологической матрице неприемлемых этических и социальных реформ, а именно – сексуальных и репродуктивных прав, однополых браков и усыновления, новых репродуктивных технологий, сексуального образования, гендерного мейнстриминга, защиты против гендерного насилия» (Р. 5). «Гендер» для них – это «антропологическая революция» преобразования человека; альтернативное производство знания под влиянием постструктурализма; новая левая идеология и марксизм; политика коррумпированных европейских элит, подрывающая национальный суверенитет.

Книга состоит из 14 глав, двенадцать из которых посвящены антигендерной мобилизации в разных странах Европы, размещенных в алфавитном (латинском) порядке: Австрии, Бельгии, Хорватии, Франции, Германии, Венгрии, Ирландии, Италии, Польше, России, Словении и Испании.

В Австрии, как показывают Штефани Майер и Бригит Зауэр, антигендерные коалиции строятся вокруг «пустого означающего» или «цепи эквивалентности», которая связывает религиозную антиабортную и антифеминистскую повестку и активистов мужских прав с правым популистским дискурсом и антимусульманским расизмом. Эти альянсы приписывают «гендерной идеологии» тоталитарный и авторитарный характер, в ней видится угроза «призрака коммунизма», уравнивающего всех и лишаящего людей различий. Мобилизация в широком смысле направлена на утверждение национальной исключительности и против социал-демократических реформ, проходивших с 1970-х гг.

В Бельгии, согласно исследованию Сары Брак, Ванса Дюпона и Давида Патернотте, антигендерное движение не получило на момент написания книги массового распространения, несмотря на то, что два ведущих идеолога родом из Бельгии. Авторы показывают, что религиозная мобилизация в основном ограничивается традиционными вопросами, ее группы являются довольно слабыми, и общего объединения не происходит. Этому препятствует плюралистическое устройство общества, наличие разных церквей и региональные религиозные различия. Секуляризация франкофонных регионов также препятствует влиянию французского «антигендеризма». Кроме того, важную роль играет история – однополые браки были легализованы в Бельгии задолго до антигендерной мобилизации в 2003 г.

В Хорватии, как подчеркивают Амир Ходжич и Александр Штюльхофер, антигендерное движение имеет сходство с движениями в других странах, но возникают и локальные стратегии, а также дискурсы, связанные с распадом Югославии, войной, посткоммунистическим контекстом, религиозной и националистической риторикой, ретрадиционализацией и влиянием католической церкви. В условиях экономического кризиса движение рекрутирует молодых образованных людей, успешно используют социальные сети и современную риторику. Триггерами является сексуальное образование, обвиняемое в сексуализации детей и продвижении гомосексуальности, а также «гей-браки».

Неожиданный успех антигендерной мобилизации в секулярной Франции привлекает особое внимание. Как показывают Майкл Стамболис-Русторфер и Жосселин Трику, особую роль в ней сыграл секулярный активизм, а священнослужители, верующие и их сторонники смогли превратить протесты консервативных католиков в популярное движение. Это движение, используя национальные символы и антикапиталистическую риторику, обращалось к группам, чувствующим себя маргинальными во Франции. Оно набирало силу во время мобилизации против образовательных инициатив по вопросам гомосексуальности и гендера, но мощным триггером стала легализация однополых браков и особенно права на усыновление в 2012 г. Массовость мобилизации авторы связывают с успешным использованием секулярных дискурсов, ресурсов и социальной политики Католической церкви, негативного общественного мнения в отношении однополых родителей, активной политической мобилизации оппозиционных правых. Движение создало для участников новые активистские идентичности, вдохновило другие движения в Европе.

Согласно исследованию Паулы-Ирене Виллы, в Германии в 2010-х гг. гендер становится «символическим клеем» (Kováts, Póim 2015) для гетерогенных консервативных, правых и популистских акторов, при этом католики не играют в нем заметной роли. Антигендеризм выступает означаемым для политики, направленной против Европейского Союза, антиамериканской политики, выражения этно-националистических, расистских,

ксенофобских, гетеронормативных, право-популистских настроений. Существующий прогрессивный дискурс отсылает к либерализации 1968 г., которая оценивается крайне негативно. Авторы отмечают особенности политики после объединения Германии. «Гендер» и гендерный мейнстриминг Европейского Союза считается опасной тоталитарной идеологией, его сравнивают с коммунизмом, фашизмом и государственным социализмом, с попытками создания «нового человека», и это имеет сильный резонанс на территории бывшего ГДР. В Западной Германии работающая (эмансипированная) мать до сих пор считается «плохой матерью», а социальное государство демонизируются как «социалистическая идеология». Традиционным и «естественным» идеалом для многих остается материнство, полностью посвященное ребенку. Сексуальный и репродуктивный выбор предстают как антиестественная угроза для естественного порядка вещей. Антигендеристы утверждают, что дети должны быть защищены от идеологии сексуализации и от педофилии, а гендерные исследования – как идеологические и ненаучные – исключены из программ и финансовой поддержки. Эпистемологический примитивизм активизирует натурализацию общества и связывает вместе разные протестные настроения.

В главе, написанной Эстер Ковац и Адреей Пето, речь идет о формировании антигендерного дискурса в Венгрии. На момент написания книги существенной мобилизации в стране не происходило по причине отсутствия либерально-культурной повестки и государственного гендерного мейнстриминга. Однако на фоне антигендерного дискурса усиливалось влияние крайне правых, антимодернистских и антимигрантских настроений, росло недовольство Европейским Союзом. Авторы не исключают того, что движение может возникнуть и мобилизоваться против «гендера» как общего врага. Это вскоре и произошло, когда в 2018 г. была отозвана лицензия на преподавание гендерных исследований в двух университетах, в том числе в Центрально-Европейском (Petö 2019; Vida 2019).

Ирландия, согласно Мери Маколифф и Синеид Кеннеди, до недавнего времени считалась традиционной консервативной католической страной. В 1990-х гг. начинается либерализация общества, ознаменованная снижением влияния религии. Сексуальные скандалы в церкви ослабляют ее моральный авторитет в вопросах репродукции, семьи, однополых браков. В 2015 г. Ирландия становится первой страной в мире, легализовавшей однополые браки всенародным голосованием, однако репродуктивные права женщин остаются ограниченными (реформы начались в 2018 г.). Авторы рассматривают конкретные стратегии и дебаты по поводу однополых браков и аборт. Хотя «гендерная идеология» не играет в них существенную роль, риторика противников равенства схожа с той, которую использую антигендеристы, подерживая «традиционный брак» и «традиционные семейные ценности».

В Италии, как показывает Сара Гарбаньоли, антигендерные протесты начались в 2013 г. под влиянием французской мобилизации. В фокусе анти-

гендерного движения, так же как и Ватикана, – сексуальное образование и гомосексуальность. Движение выступало против антидискриминационных гендерных законов и закона об однополых браках (в 2016 г. принят закон о гражданских союзах для однополых партнеров), против образовательных инициатив в школах, связанных с гендерным равенством. По мнению автора, итальянское движение оказалось успешным, поскольку смогло заблокировать или затормозить законодательные и образовательные реформы, повлиять на публичные дискурсы. Ватикан поддержали как антиабортные ассоциации, так и новые протестные группы, которые выступают против «антропологической революции», якобы нацеленной на гендерные изменения человеческой природы. По поводу этой «революции» возникает моральная паника, распространяющаяся на аборт, суррогатное материнство и пр. Гендер – как символ западного капиталистического индивидуализма – выступает общим врагом, от которого надо защищать детей, человеческую природу и национальную идентичность. Успех мобилизации в Италии связан как с экономическим кризисом, так и фамилистской идеологией в совокупности со слабой государственной поддержкой семей, делегированной церкви. Италия превращается в фертильную почву для «гендерной идеологии» как эффективной политической категории: детские книги о разнообразии семей изымаются из библиотек, на местном уровне принимаются резолюции против «гендерной идеологии», создаются телефонные линии для родителей, движение поддерживают интеллектуалы.

Агнешка Графф и Эльжбета Корольчук (см. также Graff, Korolczuk 2018) показывают, как с 2012 г. в антигендерной мобилизации в Польше используются антиколониальные фреймы, в которых «гендеризм» предстает злой глобальной силой. Согласно антигендеристам, новую колониальную власть воплощают ООН, Европейский Союз и ВОЗ. Эта власть пришла на смену тоталитаризму и советской инженерии «нового человека». Консерваторы встают на защиту «угнетаемого большинства» и христианских ценностей от феминизма и «ЛГБТ-лобби». «Гендер» используется ими как «растяжимая категория», которая накладывается на множественные коллективные страхи потери морали, национальной идентичности, солидарности. Гендер как «символический клей» успешно соединяет «алтарь» (верующих) и «стадион» (футбольных фанатов) в мобилизации против сексуального образования в школах и гендерных исследований. Антигендерная кампания и массовая мобилизация в Польше имеют реальные политические последствия. Многие либералы считают Польшу уникальным, локальным и даже аномальным случаем в контексте нового национализма, влияния католической церкви и антиабортной политикой. Однако авторы показывают, что все это является довольно типичным на фоне мобилизации во Франции, антифеминизма в России, Украине и Грузии, антигендерной повестки Ватикана и США.

Кевин Мосс показывает, что в России в антигендеризме особая роль принадлежит государству и университетам, и у него иной, по сравнению

с Западной Европой, вектор. В ЕС мобилизация гражданского общества с традиционными идеями под сильным католическим влиянием направлена против секулярной политики государств, которая поддерживает гендерное равенство, исследования и права ЛГБТ. В России продвижение традиционных ценностей, напротив, исходит от государства, православной церкви, университетов и Академии наук, которые «говорят в один голос» (замечу, что есть исключения). С середины 2000-х гг. традиционные ценности становятся государственной национальной идеей и одновременно популистской идеологией. Развивается оксидентальный дискурс по отношению к западу, на Европу проецируются негативные фантазии и тревоги; «истинные» традиционные ценности противопоставляются мультикультурализму, толерантности и «апокалипсису». Развивается мессианство, связанное с идеями морального превосходства и сексуального суверенитета России. Гомофобия приобретает политический и академический характер, выражается в соответствующих юридических законах (запрет «пропаганды нетрадиционных отношений» в 2013 г.) и теориях «евразийства». Традиционные ценности подразумевают оппозицию однополым бракам, абортam и сексуальному образованию в школах. Международные антигендерные активисты систематически посещают Россию, в том числе Всемирный конгресс семей. Некоторые из них, в духе традиционалистской политики, смотрят на Россию как на мирового лидера и спасителя Европейской нации от морального самоубийства, но антигендерный дискурс не создается в России, символы и риторика циркулируют между разными странами, резонируя риторике Ватикана и правых движений в Европе и США.

Россия одно из немногих мест, где «гендерная идеология» используется как нейтральный академический термин, особенно на начальном пути развития гендерных исследований (в том числе Мосс ссылается на наше исследование Роткирх и др. 2006). Замечу, однако, что в классической для социологов книге Рейвин Коннелл «Гендер и власть» (2015 [1987]) одиннадцатая глава так и называется – «Гендерная идеология». Иными словами, этот термин не придуман антигендеристами, а апроприрован ими из академических гендерных исследований. И тем не менее термин «гендерная идеология» для обозначения врага все более включается в консервативный лексикон, в том числе в России.

В Словении, как показывает Роман Кухар, выражение «гендерная теория» появилось во время обсуждения однополых браков в 2012 г. То, что поначалу выглядело лингвистическим ляпсусом, после многократного повторения, стало ключевым словом, обозначающим «врага». Разные дискурсы «склеивались» в единую угрозу природе, нормальности и нации. Антигендерные активисты утверждали, что «гендерная теория» негативно воздействует на детей, противодействовали закону о гендерном равенстве и (неуспешно) Стамбульской конвенции, осуществляли пролайфские

акции. Движение во многом сходно с европейскими, оно формировалось как реакция на обсуждаемые инклюзивные законы о браках в 2009 и 2015 гг. «Молчаливое большинство» и озабоченные граждане получили активную поддержку католической церкви. Однако протест был направлен не на европейские, а на локальные (левых и академических) элиты. Движение достигло успеха в массовой мобилизации сторонников, которые голосовали против однополых браков на обоих референдумах. Некоторые активисты входят в правительственные комитеты, их приглашают на парламентские чтения по вопросам семейной политики, репродуктивного здоровья, гендерного равенства.

Моника Корнехо и Хосе Игнасио Пичардо Галан анализируют одни их первых протестов в Европе против «гендера» в Испании, где доминирующая роль принадлежала религиозным консерваторам. Те активно протестовали с момента принятия закона об однополых браках в 2005 г., но их подход менялся в течение десятилетия – увеличивалась поддержка рядовых граждан, акценты смещались к артикуляции национальной идентичности. Однако церковь в Испании, учитывая негативный имидж во время диктатуры, не имеет существенного влияния в вопросах секса, гомосексуальности, контрацепции и абортов. Мобилизация хотя и была массовой, но не оказала существенного влияния на общественное мнение и политику гендерных и сексуальных прав.

В заключении Патернотте и Кухар отмечают, что в анализе антигендерной мобилизации разделение на «Восток» и «Запад» не является полезной оптикой – речь идет о глобальном движении со сходными целями, акторами, стратегиями и риторическими тропами. Движение связано с дебатами о гендерной политике, сексуальном гражданстве и негетеронормативном партнерстве, хотя контекстуальные цели варьируют от борьбы с правами ЛГБТ и ЛГБТ родительством до отрицания гендерного насилия или защиты «невинных детей». Среди мишеней движения – сексуальное и гендерное образование в школах, гендерный мейнстриминг, гендерные исследования. Антигендерный проект – это борьба за легитимность производства знания, в нем участвуют политики, консервативные и религиозные медиа, политические партии, ученые, нередко дискредитированные в академических кругах. Важнейшая роль принадлежит католической церкви и особенно Ватикану, авторитет – как жертва предшествующего режима – имеет и церковь в постсоветских странах. Движения используют стратегию само-виктимизации, представляя себя подлинными защитниками угнетаемых людей и национальной аутентичности. Они чрезвычайно активны в использовании новых медиа, создавая сообщества и формируя чувство принадлежности.

Используя концепт структуры политических возможностей, авторы добавляют к нему темпоральное измерение – соотношение времени, когда происходили инклюзивные реформы, и времени, когда начались протесты. Другое измерение – использование различных дискурсивных возможностей,

таких как евро-скептицизм, национальные и расовые тревоги, антиглобализм. Тревога за будущее нации находит свое выражение во внимании к детям, родительству и репродукции, в демографическом дискурсе (особенно в России). Тревога возникает не только в отношении нации, но и Европы как коллективного целого, что связывается антигендеристами с беженцами из мусульманских стран. В условиях экономического кризиса граждане и политики защищают нацию и Европу от остального мира и потенциальных захватчиков, и это подпитывает страхи по поводу национальных ценностей, разрушаемых наднациональными элитами. Идеи, стратегии, модусы действия и типы организаций циркулируют между разными странами, включая личные взаимодействия и сети поддержки, вплоть до попыток создания пан-европейского антигендерного движения, лоббирования в Европейских институтах и судах.

В заключение отмечу, что книгу писали авторы не только из разных стран, но и из разных дисциплин – социологи, антропологи, историки, гендерные исследователи, политологи, филологи. Однако она читается как единый текст с общей структурой, когда каждый конкретный страновой кейс сопоставим с другими. Исследование в результате представляет широкую картину антигендерной мобилизации, учитывая различные локальные особенности и их нюансы. В современной борьбе за культурную гегемонию апроприированный термин «гендерная идеология» становится лейблом для обозначения общего врага. Этому врагу присвоены намерения разрушения природы человека, «нормальности» и нации. В зависимости от доступных политических и дискурсивных возможностей «склеиваются» разнообразные повестки, объединяются разнородные правые, религиозные, популистские и иные движения, осуществляя в коалиции «антигендерную» мобилизацию.

В данном сборнике статей «антигендерный» диагноз в конечном счете выглядит почти безальтернативным – в этом я вижу не столько недостаток, сколько запрос на другие исследования, которые ответят на вопрос, что же может противопоставить антигендеризму современный транснациональный феминизм и гражданское общество?

Список источников

Коннелл Р. (2015) *Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика*. Т. Барчунова (пер. с англ.), И. Тартаковская (ред.). М.: Новое литературное обозрение.

Роткирх А., Темкина А., Здравомыслова Е. (2006) *Кто поможет униженной домохозяйке? Комментарии к демографической речи Владимира Путина. Что делать*. Доступно по ссылке: shorturl.at/kTX78 (доступ 10 октября 2019).

Bracke S., Paternotte D. (2016a). *Habemus Gender. The Catholic Church and 'Gender Ideology'*. *Religion & Gender*, 6 (2). Available at: <http://hdl.handle.net/2013/ULB-DIPOT: oai:dipot.ulb.ac.be:2013/243989> (accessed 12 October 2019).

Graff A. (2014) Report from the Gender Trenches: War Against 'Genderism' in Poland. *European Journal of Women's Studies*, 21 (4): 431–442.

Graff A., Korolczuk E. (2018) Gender as 'Ebola from Brussels': The Anti-Colonial Frame and the Rise of Illiberal Populism. *Signs, Journal of Women in Culture and Society*, 43 (4): 797–821.

Kováts E., Põim M. (eds.) (2015) *Gender as Symbolic Glue: The Position and Role of Conservative and Far Right Parties in the Anti-Gender Mobilization in Europe*. Brussels: Foundation for European Progressive Studies.

Kuhar R. (2015) Playing with Science: Sexual Citizenship and the Roman Catholic Church Counter-narratives in Slovenia and Croatia. *Women's Studies International Forum*, 49 (1): 84–92.

Paternotte D., Kuhar R. (2018) Disentangling and Locating the 'Global Right': Anti-Gender Campaigns in Europe. *Politics and Governance*, 6 (3): 6–19.

Paternotte D. (2018) Unpacking Oppositional Success: The French Laboratory. In: M. Verloo (ed.) *Varieties of Opposition to Gender Equality in Europe*. London: Routledge: 154–171.

Pető A. (2019) *Gender Studies will not Disappear. Gender Studies become Cool. An Interview with Andrea Pető on Current Developments in Hungary and the Future of the Central European University*. Available at: <http://www.cgc.uni-frankfurt.de/84145/gender-studies-will-not-disappear-gender-studies-become-cool/> (accessed 12 October 2019).

Pontifical Council for the Family (2003) *Lexicon. Termini ambigui e discussi su famiglia, vita e questioni etiche*. Bologna: Edizioni Dehoniane.

Vida B. (2019) New Waves of Anti-sexual and Reproductive Health and Rights Strategies in the European Union: The Anti-gender Discourse in Hungary. *Sexual and Reproductive Health Matters*, 27 (2): 1–4.

Anna Temkina

THE FIGHT AGAINST GENDER EQUALITY: TRANS/NATIONAL MOBILISATION

Kuhar R., Paternotte D. (eds.) (2017) *Anti-Gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality*. London: Roman and Littlefield. 302 p. ISBN 978-1783489992

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-674-683

References

Bracke S., Paternotte D. (2016a). Habemus Gender. The Catholic Church and 'Gender Ideology'. *Religion & Gender*, 6 (2). Available at: <http://hdl.handle.net/2013/ULB-DIPOT: oai:dipot.ulb.ac.be:2013/243989> (accessed 12 October 2019).

Anna A. Temkina – PhD, professor of European University at St. Petersburg, co-Director of Gender Studies Program, Russian Federation. Email: temkina@eu.spb.ru

Connell R. (2015) *Gender i vlast': obshhestvo, lichnost' i gendernaja politika* [Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics]. T. Barchunova (trans. From Eng.), I. Tartakovskaja (ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Graff A. (2014) Report from the Gender Trenches: War Against 'Genderism' in Poland. *European Journal of Women's Studies*, 21 (4): 431–442.

Graff A., Korolczuk E. (2018) Gender as 'Ebola from Brussels': The Anti-colonial Frame and the Rise of Illiberal Populism. *Signs, Journal of Women in Culture and Society*, 43 (4): 797–821.

Kováts E., Põim M. (eds.) (2015) *Gender as Symbolic Glue: The Position and Role of Conservative and Far Right Parties in the Anti-Gender Mobilization in Europe*. Brussels: Fondation for European Progressive Studies.

Kuhar R. (2015) Playing with Science: Sexual Citizenship and the Roman Catholic Church Counter-narratives in Slovenia and Croatia. *Women's Studies International Forum*, 49 (1): 84–92.

Paternotte D., Kuhar R. (2018) Disentangling and Locating the 'Global Right': Anti-Gender Campaigns in Europe. *Politics and Governance*, 6 (3): 6–19.

Paternotte D. (2018) Unpacking Oppositional Success: The French Laboratory. In: M. Verloo (ed.) *Varieties of Opposition to Gender Equality in Europe*. London: Routledge: 154–171.

Pető A. (2019) *Gender Studies will not Disappear. Gender Studies Become Cool. An Interview with Andrea Pető on Current Developments in Hungary and the Future of the Central European University*. Available at: <http://www.cgc.uni-frankfurt.de/84145/gender-studies-will-not-disappear-gender-studies-become-cool/> (accessed 12 October 2019).

Pontifical Council for the Family (2003) *Lexicon. Termini ambigui e discussi su famiglia, vita e questioni etiche*. Bologna: Edizioni Dehoniane.

Rotkirch A., Temkina A., Zdravomysova E. (2006) Kto pomozhet unizhennoj domohozhajke? Kommentarii k demograficheskoj rechi Vladimira Putina [Who Is Going to Help a Humiliated Housewife? Comments on Vladimir Putin's Demographic Policy]. *Chto delat'* [What is to Be Done]. Available at: shorturl.at/kTX78 (accessed 10 October 2019).

Vida B. (2019) New Waves of Anti-sexual and Reproductive Health and Rights Strategies in the European Union: The Anti-gender Discourse in Hungary. *Sexual and Reproductive Health Matters*, 27 (2): 1–4.